

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, кафе «Молочко» - 2002 - 23 марта - С.2

По природе он ленив, инертен и сам об этом прекрасно знает. Он не любит светских раутов. Его несложно заставить дома. В детстве ему часто донучали вопросами на тему: сын или не сын? Подозреваю, что с тех пор он их тоже не любит. Конечно, сын. Не знаю, как в детстве, а сейчас это очевидно с первого взгляда. Не то чтобы потрясающее сходство, просто черты его отца, даже преобразенные в следующем поколении, сложно не узнать и не заметить. Никому не известно точное количество побед, которые Денис Евстигнеев одержал в жизни. Но одна из них заслуживает особого внимания. Ему удалось победить... собственную лень. Когда-то его близкий друг Сергей Можаров заставил Евстигнеева-оператора стать Евстигнеевым-режиссером: взял за шкирку, встряхнул, предложил помощь. Нашел в нем какой-то внутренний маятник, качнул его, и началось движение. Потом случилось несчастье, друг погиб. Но генератор, когда-то им запущенный, с тех пор не прекращает работать. Скоро Денис вздохнет спокойно. Он закончил съемки новой картины, закончил монтаж, озвучание, битву с цейтнотами, искания и переживания: все, что положено, он почти закончил. Осталось дотянуть до премьеры, и на какой-то период он снова сможет вспомнить о том, что по природе он ленив и инертен.

Отцы и дети.

— На первых этапах у картины было идиллическое название: «Поиски первой любви». Потом вы заменили его на провокационное «Займемся любовью». Разница такая, будто о двух разных сценариях идет речь.

— И мне, и многим другим людям показалось, что первый вариант, во-первых, слишком длинный, а во-вторых, неправильно ориентирует зрителя. В нем слышится излишняя романтика, возникают какие-то параллели, не дай бог, с Тургеневым (шутка). Поэтому мы придумали новое название — «Займемся любовью». Оно мне нравится тем, что оно двусмысленное. Когда человек увидит его на плакате, сразу всплывет первое значение — пошловатое, сотни раз слышанное в американских фильмах, подразумевающее секс и только. И хорошо, пусть он с таким чувством придет в кино, но выйдет он оттуда, надеюсь, уже с совершенно другим ощущением, с пониманием второго значения названия: займемся темой любви.

— Почему в сорок лет вас вдруг взволновали проблемы семнадцатилетних?

— Меня совсем не взволновали проблемы семнадцатилетних. Меня волнует любовь — главная тема искусства в целом. Просто вышло так, что на этот раз героям фильма по семнадцать лет: самый подходящий для любви возраст. И та степень наивности, которую мы хотели вложить в картину, несвойственна людям более взрослым.

— А вам хоть немного свойственна наивность?

— Думаю, что нет. Любый человек, который что-то видел в жизни, делает выводы. Не делаем их либо идиоты, либо те, кто еще ничего не видел. Я видел многое, и, к счастью, я не идиот.

— Раньше вы всегда делали ставку на звезд. Почему сейчас в титрах нет ни одного заслуженного имени?

— Я исходил из того, какой сценарий лежал передо мной. Как и любой режиссер, я с радостью взял бы лучших, опытных артистов, чтобы элементарно подстраховаться. Но так как артистов семнадцатилет в природе просто не бывает, то мне ничего не оставалось, кроме как искать молодые таланты. Мысль о том, чтобы загримировать тридцатилетних актеров под подростков, у меня не возникала.

— Почему? Ведь продал же такой эксперимент Никита Михалков с Олегом Меньшиковым в «Сибирском цирюльнике».

— Я говорю только про себя. Мне на такие эксперименты идти не захотелось. Мы начали искать будущих героев, понимая, что найти их будет непросто. Поэтому перед съемками специально отвели три свободных месяца только на поиски. Я просмотрел две тысячи человек, из которых и выбрал десять будущих исполнителей.

— Правда, что одну из героинь вы разглядели в программе «12 злобных зрителей»?

— Далеко не одну. Я увидел программу, и мне очень понравились ребята в студии — они такие свободные, раскрепощенные. Мы связались с продюсером передачи, у него имеются огромные списки «злобных зрителей», и он выбрал для нас 250 человек — самых артистичных и заметных. Из них в картину остались человека 3—4, в том числе и главная героиня — школьница.

— Когда вы готовились снимать «Маму», вы рассуждали, что роль специально написана для Нонны Мордюковой, что вы долго мучились, создавая ее. Больно было, когда потом Нонна Викторовна взяла и ваши старания слегка приопустила? Сказала что-то вроде: «Мама»? Да там и играть-то нечего было».

— Ну... На мой взгляд, было чего. Не могу прокомментировать эти слова, тем более что впервые о них слышу. (Речь идет о монологе Нонны Мордюковой в фильме Ренаты Литвиновой «Нет смерти для меня». — Авт.) Мне Нонна Викторовна говорила иные вещи. И вне зависимости от любых фраз для меня опыт общения и работы с ней был чрезвычайно важен не только в профессиональном, но и в человеческом смысле. Даже бесценен. Встреча с такой личностью — противоречивой, сложной, фантастической — оказала на меня влияние.

— Вам часто приходится слышать, что вы все больше и больше становитесь внешне похожи на отца?

— Да, кто-то говорил. Но у меня уже давно нет никаких претензий к своей внешности, поэтому я не испытываю ни удовольствия, ни огорчения от подобных сообщений. В зеркало я не смотрюсь — потому что причисляю себя к маю.

Справка «МК»:

Денис Евстигнеев в 1982 году закончил операторский факультет ВГИКа. Как оператор работал над картинами: «Осень. Чертаново» (1986, реж. И.Таланкин), «Слуга» (1988, реж. В.Абдрашитов), «Армавир» (1991, реж. В.Абдрашитов), «Такси-блюз» (1991, реж. П.Лунгин), «Луна-парк» (1992, реж. П.Лунгин).

Режиссер фильмов «Лимита» (1994), «Мама» (1999), «Займемся любовью» (2002) и цикла роликов социальной рекламы «Русский проект» (1995). Женат на дочери Зиновия Гердта Екатерине.

— На самом деле я хотела спросить не про внешность, а про отца. Он сильно на вас повлиял?

— Нравочений он мне не читал. Жизни не учил. Но, безусловно, во мне есть какая-то часть его — не в смысле генов, а как результат того, что я с ним виделся, общался.

— У вас не было комплекса ребенка из разведенной семьи?

— Нет. Потому что у меня умная мама, которая не сделала из развода трагедии — я имею в виду следующие отношения ее, отца и меня. Она всячески поощряла наше общение. Мы сохранили простые человеческие отношения, без всяких ханжеских штук. Зато у меня был комплекс ребенка известных родителей. Я их стеснялся, даже скрывал, что они мои родители. Нервничал, когда меня спрашивали — сын или не сын. Это естественно. Любый молодой человек хочет, чтобы его ценили не за фамилию, а за то, что он собой представляет. Но постепенно я избавился от этого комплекса.

— Отец знакомил вас со своими женами?

— Естественно. Говорю же, наши отношения были далеки от коммунальных разборок. Я отлично знал его вторую жену Лилию Михайловну Журкину. Иру Цывину, его последнюю жену, — тоже, мы замечательно общались.

— Ваша мама, Галина Борисовна Волчек, как-то режиссировала вашу жизнь?

— Как любая мама. Хотя «режиссировала», конечно, слишком круто сказано. Она просто заботилась обо мне, о том, чтобы я не совершал дурных поступков — например, не курил в молодости.

— Она ругалась? А ведь сама очень много курит...

— Да, курит. Она подавала мне наглядный пример. Но при этом она не только ругалась — она брала с меня клятвы, что я не буду курить. И я действительно год держался — по-моему, с пятнадцати до шестнадцати лет. То есть я бросил в пятнадцать лет... Но потом продолжил и до сих пор продолжаю, к сожалению.

— А от армии вас «отмазали»?

— Нет, не отмазали. Хотя, конечно, службу я проходил блатную: полтора года в Театре Советской Армии.

— В чем заключалась служба?

— В работе с утра до вечера. На нас возлагались обязанности монтажников, которые носят декорации, ставят их. Плюс мытье полов, лестниц, поездки на гастроли в качестве грузчиков. Затем — два раза в год подвеска Ленина...

— Куда?

— Про это можно снять кино. Ленин был невероятно тяжелый. Представьте себе огромный фронт Театра Советской Армии, и вот туда-то и водружался парадный портрет Ленина. Думаю, он был метров сорок на двадцать. Сворачивались специальные железные штанги, на них натягивались полотна. Существовал единственный способ сдвинуть с места это монументальное полотно — с одного края пустить волну. (Денис делает руками движение, которым обычно стелют свежую простыню на кровать. — Авт.) И вот по периметру вставали человек во семьдесят и пускали волну, в результате которой вся

Денис ЕВСТИГНЕЕВ:

«Мы были далеки от коммунальных разборок»

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

к другу. А дальше уже начинаются свои разборки, отношения, которые не зависят ни от чего.

— Чем сейчас занимаетесь ваша жена?

— Катя — режиссер документального кино, она сняла очень много хороших фильмов. Но так как ее жанр сейчас, к сожалению, практически не востребован, Катя начала заниматься еще одним любимым делом. Это произошло очень естественно, потому что она всю жизнь обожала делать у себя дома ремонт. Ей очень нравится сразу видеть результат своего труда, а ремонт — как раз тот случай, когда результат виден сразу. Постепенно знакомые и друзья стали просить ее: помоги, посоветуй. Она втянулась и до сих пор продолжает помогать.

— Речь идет о дизайне помещений?

— Да, но на любительском уровне. То есть делает-то она все профессионально, конечно. Но создавать какие-то компании, строительные фирмы, входить в этот бизнес не хочет. Она просто использует свой вкус, свою работоспособность, коммуникабельность ради дела, которое ее увлекает.

— Вашей квартирой занималась она?

— Нашей квартирой занимались мы. Катя, конечно, в большей степени, но я тоже внес некоторый вклад.

— А что за медаль висит на шее у вашего деревянного жирафа?

— По-моему, она осталась после одной из наших так называемых «доедалок». 1 января каждого года у нас в доме устраиваются такие мероприятия, когда приходят друзья, приносят с собой еду, недоеденную на Новый год, и мы тут занимаемся черт знает чем, смеемся, отдыхаем...

— И похмеляетесь...

— Нет. Потому что все ведь справляют Новый год дома, с родителями и детьми, поэтому приходят трезвые. А уже отсюда уходят пьяными.

— Я знаю, что от первого брака у Кати есть сын Орест. Он живет вместе с вами?

— Он живет отдельно. Ему двадцать четыре года, у него уже своя жизнь.

— Вы для него — отец?

— Нет, у него есть прекрасный отец, Валерий Фокин. А я... Если он считает меня своим другом, я был бы счастлив. Потому что слово «отчим» так же ужасно, как и слово «пасынок». Когда я что-то говорю про Орика, мне всегда не хватает русского языка. Я не могу произнести «пасынок», у этого слова как-то не тот оттенок. Короче говоря, у нас сложное название, но суть такова: я хотел бы, чтоб Орик считал меня другом.

— Обычно все мамы третируют своих взрослых сыновей на предмет долгожданных внуков. Как в данном случае поступает Галина Борисовна?

— Я как-то не знаю ее мыслей на сей счет, да мы и не обсуждаем эту тему.

— Пару лет назад вы вынашивали замысел сценария о желтой прессе. Что с ним стало?

— Я отказался от той затеи. Мы потратили полгода, писали, искали. Я хотел снимать кино о желтой прессе, потому что мне казалось, что это реальная сила, в которой есть энергия, есть смешное и грустное, есть подставы и интриги. Но потом выяснил, что ничего подобного не существует, что все искусственно и надуманно. По одной простой причине — в нашей стране нет звезд. Вообще нету-у-у! Поэтому и желтой прессы быть не может.

— После такого категоричного заявления вы уж расшифруйте — что такое звезда в вашем понимании.

— Звезда — это человек, за эксклюзивную фотографию которого фотограф может получить миллион долларов. А наши «звезды» сами приходят и просят их сфотографировать так, будто их подловили на чем-то.

— Какие-то побочные увлечения, кроме но, вам свойственны?

— Если вы говорите о хобби — нет. Я ничего не коллекционирую. А вот спортом занимаюсь. Я сознательно заставил себя полюбить спорт и очень этому рад. Вот уже лет пять-шесть я играю в теннис, еще пытаюсь ходить в бассейн. Лениюсь, к сожалению, но все же пытаюсь. А недавно даже дошел до невероятных высот — впервые поехал на горных лыжах кататься.

— Считается, что как только режиссер закончил снимать, у него в голове уже бродят мысли о следующей работе?

— Глупости всякие (в кавычках) бродят, безусловно. Есть какие-то идеи, но сами по себе они не важны. Важно, чтоб у тебя появился сюжет. А вот сюжетов у меня в голове очень мало. Их и в принципе очень мало, найти хороший сюжет — все равно что найти бриллиант. На это нужно время. Зато я точно знаю, какое именно кино я хотел бы снимать: такое, в котором чувства преобладают над схемой, над разумом. Фильмы, где я проявил бы свой «ум» и рассказывал бы людям о смысле бытия, меня не интересуют. Меня привлекают живые истории с живыми героями, глядя на которых, зрители могут смеяться, плакать, переживать эмоции.

— За судьбой героев картины «Займемся любовью» стоит ваш персональный опыт?

— Нет. Я вообще противник переноса своего опыта в кино. Понимаете, вот я живу уже сорок лет, и если у меня дома поставить камеру и запустить пленку, то выяснится, что в моей повседневной жизни ничего интересного нет. Меня надо придумать, чтоб сделать из меня героя фильма, как и из любого нормального человека. Поэтому в кино действуют придуманные люди, в них все жирно сконцентрировано и вжато в полтора часа. Хотя, когда я работаю с актерами, я так или иначе вкладываю в них собственные представления и впечатления детства. Только в таком виде мой личный опыт присутствует в кадре.

— Вы целенаправленно избегали откровенных сцен в фильме?

— Да, потому что я ни в коем случае не хотел повторить известные западные аналоги типа «Американского пирога». Я, наоборот, стремился показать, что все намного глубже и интересней, что эти ребята не дебили, у которых одна извилина и единственное желание — заняться сексом. У моего героя поиски секса закончились поисками любви. Другое дело, что в фильме есть откровенные слова. Просто потому, что для некоторых процессов в русском языке невозможно найти другие слова.

— Для каких, например?

— Нет уж...

— Они настолько откровенные, что вы стесняетесь их произнести?

— В контексте картины они звучат нормально, органично, как мне говорили первые зрители. А если я их сейчас скажу, и вы от моего лица напечатаете их в газете!!! Это было бы ужасно.

Катя ПРЯНИК.

КИРИЛЛ ИСКОЛЬДИНСКИЙ

громадина продвигалась сантиметром на десять. Процесс повторялся 7 Ноября и 1 Мая, и каждый раз это был праздник для нас — не дата, а поднятие Ленина. После него мы шли выпивать и отмечать свершившееся событие.

— Какими еще привилегиями из жизни звездных детей вы пользовались, помимо «блатной» армии? Посещали места, недоступные простым смертным?

— Когда я рос, не существовало мест, куда кого-то пускали, а кого-то — нет.

— А как же ЦДЛ? Дом кино?

— Дом кино был единственным местом, куда я действительно ходил еще мальчишкой, но нас оттуда так гоняли!.. Существовала веселая компания, из которой народу известен только Антон Табаков, мой товарищ с детства. Вытаскивали нас нещадно, не взирая, кто чьи родители. А мы все равно проходили самыми невероятными способами. Всю администрацию я знал в лицо, и они меня, разумеется, тоже. Там была одна замечательная администраторша — Тамара Леонидовна, которая нам помогала: ей не разрешали, но она все равно давала нам билеты. А иногда мы пролезали по резиновому подъемнику, по которому продукты в ресторан доставляют.

— Куда рвались-то — в ресторан или в кинозал?

— В зал и в бар, туда, где весь крутеж, вся тусовка.

— Следующая формулировка, наверное, дурацкая, но другой придумать не могу: почему вы женились на Кате Гердт?

— Действительно, странный вопрос.

— И закономерность странная: Фоменко женился на Маше Голубкиной, Табаков — на Насе Чухрай, Пресняков жил с Орбакштейн... Это потому, что узок ваш круг? Или существуют иные причины?

— Если вы в таком смысле спрашиваете, я могу ответить. Полюбить-то можно любую женщину и можно на ней жениться, но все равно, независимо от вашего желания, подсознательно срабатывает момент «одной детской». То есть — какие книжки читали, какие слова вам говорили в детстве, какой вид из окна вы наблюдали. Эта общность слов, встреч, впечатлений на каком-то этапе притягивает людей друг

С мамой Галиной Волчек.

СЕРГЕЙ ПЕТРУХИН